



Улицы разбитых фонарей

Андрей Кивинов

Кошмар на улице Стачек

«Автор»

Кивинов А. В.

Кошмар на улице Стачек / А. В. Кивинов — «Автор»,
— (Улицы разбитых фонарей)

ISBN 5-7654-0682-3

Андрей Кивинов – один из самых читаемых писателей современной России. Он пишет о страшном – смешно, как если бы Ильф и Петров писали о милиции девяностых. Общий тираж его невероятно популярных произведений превышает несколько миллионов экземпляров, а телезрители давно знакомы со знаменитыми героями телесериалов, снятых по книгам Андрея Кивинова «Менты», «Улица разбитых фонарей», «Убойная сила».

ISBN 5-7654-0682-3

© Кивинов А. В.

© Автор

Содержание

Пролог	5
Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Андрей Кивинов

Кошмар на улице Стачек

Любое совпадение персонажей или событий с реальными лицами или происшествиями может быть только случайным, хотя и случайности иногда становятся закономерностями.

Автор

Блатным корешам по борьбе с преступностью посвящается.

Пролог

Июнь 1990 года Жаркое южное солнце раскалило крышу СИЗО города Владикавказа, отчего внутри тюрьмы, битком набитой подследственными, температура превышала все мыслимые пределы. В одной из камер с двухъярусными нарами, где сидели особо опасные, распахнулась дверь, и конвоир ввел парня лет двадцати восьми, причем, в отличие от всех обитателей камеры, он был русским.

– Кузьмин, – представил его конвоир. – Наркотики. – И подтолкнул его в камеру. – Располагайся.

Дверь закрылась. Парень стоял в центре, переминаясь с ноги на ногу. Новичок. Зеки переглянулись.

– Гомерзик, подай-ка полотенце, – обратился к нему один из сидевших. Кузьмин взял полотенце, висевшее на нарах, и протянул мужику. Но тот как бы невзначай выронил его из рук, и оно мягко упало между Кузьминым и уголовником. По тюремным законам поднять полотенце должен был слабейший. Кузьмин не шелохнулся.

– Подними, – приказал зек.

– Ты уронил – ты и поднимай.

– Ты, что, щенок, смерти ищешь? – сказал зек, медленно поднимаясь с нар. – Я за мокрое сижу, а ты – за какой-то кумар. Подними полотенце!

Кузьмин посмотрел вокруг и направился к свободным нарам. Удар в спину потряс его. Зек двумя руками, сложенными в замок, саданул его сзади. Кузьмин устоял, подпрыгнул на месте, и его нога, описав большую дугу, смачно врезалась в висок мужика. Зек отлетел к дверям.

– Бей хачка! – раздались голоса, и человек пять бросились на Кузьмина. Кузьмин успел отбиться от двоих нападающих, но тут получил чем-то тяжелым по голове и свалился на нары. Побой посыпались на него со всех сторон. Чьи-то руки потянулись к пуговицам на его ширинке, и он почувствовал, как с него начали стаскивать брюки. Накинутое на шею мокрое полотенце сбило дыхание. Кузьмин закрыл глаза и потерял сознание.

Часть 1

Глава 1

Апрель 1992 года.

ИЗ ДОКУМЕНТОВ:

Сов. секретно.

Начальнику 1 отдела 7 подотдела МБ генералу министерства безопасности Козлову Г.В.

В связи с тем, что в 85 отделении милиции города Санкт-Петербурга из-за постоянного прорыва канализационных и водопроводных труб выходит из строя дорогостоящая импортная подслушивающая аппаратура, прошу выделить из валютного фонда средства на ремонт здания вышеуказанного отделения. Средства будут залегендированы как спонсорская помощь кооператива "Ремонт колес", расположенного в подвале отделения. В противном случае наблюдение за объектом «С» может быть поставлено под угрозу срыва.

Зам. начальника 7 подотдела МБ полковник Сидоровский СВ.

За решетками окон 85-го отделения милиции города Санкт-Петербурга появились первые признаки весны – набухшие почки, щебет птиц, кражи велосипедов. Грохот трамвая, песни Богдана Титомира, доносившиеся из окон общежития напротив, крики задержанных пьяниц плавно сливались со звуками внутри помещения уголовного розыска, создавая некую симфонию шума. Тут было все: от упоительно мягкого шлепанья кулака о живот правонарушителя, доносившегося из кабинета 13, где стажировались два практиканта, до вопля инспектора Кивинова, пожелавшего узнать, куда же, черт побери, запропастилась его ручка; от нудного монолога начальника УР Соловца, сосавшего информацию из арестованного, до приглушенного, страдострастного шепота, коим опер Клубникин беседовал по телефону с юной прелестницей; от урчания воды в трубах и треска телефонов до раскатов гогота, сопровождающих пошлый анекдот детского инспектора Волкова.

Нигде не обнаружив своей ручки, Кивинов заглянул в кабинет Клубникина. Тот, закончив болтать по телефону, с увлечением рассматривал книгу под названием "Секс в жизни женщины". Кивинов заметил, что коллега остановился на главе "Эрогенные зоны". Свернув газету, он стукнул ею своего напарника по голове и произнес:

– У тебя одна эрогенная зона – мозги, их все время возбуждать надо, сами они не работают.

В ответ Клубникин зло ухмыльнулся.

– Ну что ты расселся как муха на параше? – продолжал Кивинов. – Между прочим, ты сегодня дежуришь, а в дежурной части полно заявителей. У тебя одно на уме – бабы. Марш к терпилам.

Клубникин с крайне недовольным лицом засунул книгу в свой стол, потянулся, сдул с пиджака пыль и побрел к потерпевшим.

Сам Клубникин роста был небольшого, с чуть кривоваты – ми ногами и неизменной трехдневной щетиной. Пиджак ему был великоват, посему кулаки утопали в рукавах, что являлось объектом постоянных насмешек оперов. Но Володя мало обращал на это внимания. Характер у него был взрывной, но быстро отходчивый, а больше всего Клубникин любил изображать из

себя Глеба Жеглова и старого милицейского волка, хотя и работал в уголовном розыске не так давно. Ко всему прочему он являлся членом футбольной сборной МВД, играя в нападениях.

Вместе с Кивиновым они обслуживали два соседних участка и работали в контакте. Выходя на территорию, они представляли собой великолепное зрелище, прямо как Торопунька со Штепселем – длинный Кивинов в короткой куртке с короткими рукавами и маленький Клубникин в своем вечно мятом, как у комиссара Каттани, пиджаке.

Сейчас Клубникину предстояла весьма нелегкая работа. Недовольная задержкой толпа громко шумела в дежурной части, и многие записывали номер очереди на ладонях.

– Маэстро, ша! – сказал Клубникин, входя в помещение. Толпа мигом затихла.

– Попрошу первого за мной.

Первым в очереди оказался некий гражданин Кац, швейцар из пивбара, старый знакомый 85-го отделения. Уже в течении двух лет какие-то неизвестные вымогали у него деньги. Кац и сам рад был бы отдать их, вот только не знал кому, сколько и, главное, куда нести, так как вымогатели требовали деньги, били Каца, звонили ему домой, но место встречи не назначали.

Кац глубоко вздохнул, присел на краешек стола и снял темные очки. Из-под них на Клубникина глянул смачный фингал цвета морской волны.

– Ну? – спросил Клубникин.

– Опять избили, – пожаловался Кац. – Подкараулили в подъезде. Десять тысяч требуют.

– Ну?

– Я сказал, что готов уплатить, и они отстали. Я спросил, куда принести деньги, а они ответили, что сами меня найдут, но если я обману, они включают счетчик.

– Ну?

– Я думаю, может, мне все время с собой деньги носить и сразу отдать, чтоб не били?

– Подозрения есть?

Кац виновато пожал плечами в ответ.

– Да-а, положение серьезное, – резюмировал Клубникин. – Пора всерьез заняться этой группой.

Одной рукой он снял трубку телефона и начал набирать номер, другая же рука автоматически выдернула телефонный провод из розетки.

– Алло, дежурный главка? Клубникин из розыска беспокоит. Дайте информацию в аэропорт и на вокзалы и перекройте основные шоссе из города, а также внесите в компьютер приметы преступников. Приметы помните? – спросил он у замороженного Каца, после чего начал диктовать приметы в телефон. Закончив разговор, Клубникин вновь набрал номер и попросил к трубке начальника уголовного розыска города Санкт-Петербурга, после чего потребовал организовать круглосуточную негласную охрану Каца.

– Все в порядке, – сказал Клубникин преобразившемуся Кацу. – Живите спокойно наши люди будут постоянно охранять вас, но видеть вы их не будете, их нельзя видеть – это секретные работники.

– Понимаю, – кивком ответил Кац. – А зачем аэропорт перекрывать?

Клубникин понял, что переборщил, но не растерялся:

– Чтобы преступники не ушли, если наши люди не успеют к вам на помощь.

– Спасибо большое, – ответил восхищенный Кац.

– Не стоит. – Клубникин указал на дверь. – Это наша работа.

Класс опера заключался не в том, чтобы отшить потерпевшего, а в том, чтобы сделать это так, чтобы тот, уходя, говорил «спасибо», причем искренне.

Кивинов влетел в кабинет Клубникина, когда тот в очередной раз требовал у дежурного главка перекрыть аэропорт, дабы задержать негодяев, укравших запасное колесо из «Запорожца», хозяин которого скромно сидел перед Клубникиным.

– Мокруха! – заорал Кивинов и помчался дальше по коридору. Клубникин понял все с полуслова, выгнал заявителя, собрал в папку раскиданные по столу бумаги, сунул туда же "Секс в жизни женщины" и побежал в дежурную часть.

Глава 2

ИЗ ДОКУМЕНТОВ:

В последнее время участились факты необоснованных отказов в возбуждении уголовных дел сотрудниками ОВД, несвоевременной регистрации заявлений граждан и, как следствие этого, отсутствие должной проверки по ним. В целях борьбы с указанными явлениями предлагаю:

1. Усилить контроль за регистрационной дисциплиной.
2. Провести проверку по отказным материалам в ряде отделений района, в случаях необоснованного отказа возбудить уголовные дела.
3. Виновных строго наказать вплоть до исключения из органов, лишения месячного пайка и привлечения к уголовной ответственности.

Организацию исполнения указания возложить на начальника Кировского РУВД полковника милиции Головки Н. А.

Прокурор Кировского района г. Санкт-Петербурга, старший советник юстиции Прокрустов О.Г.

Машина «такси» была брошена во дворе ДК «Ленинец», неподалеку от отделения, поэтому Клубникин и Кивинов прибежали на место происшествия раньше, чем туда прибыло руководство на дежурном УАЗе, который мог бы без труда выиграть соревнование на самое долгое прохождение самой короткой дистанции, если бы таковое когда-нибудь проводилось.

В силу специфики своей работы операм частенько приходилось видеть мертвецов, и поэтому они уже привыкли к живописным сценам смерти, однако увиденная ими картина превзошла все ожидания. Водитель такси склонил свою голову на руль, повернув лицо, выражающее глубокую печаль, к стоявшим у машины сотрудникам. В основание затылка по рукоятку была всажена самодельная заточка, конец которой выходил из горла и упирался в рулевое колесо. Кровавый водопад вытекал изо рта покойного, омывая по пути приколотый к лацкану пиджака значок с надписью "Ударник коммунистического труда", джинсы фабрики Володарского и кеды фирмы "Динамо".

– Глухарь, – простонал Кивинов, – и опять у меня на земле.

– А, может, он сам себя? – с надеждой в голосе спросил Клубникин.

– Хорошо бы, да заточка глубоко всажена.

– Видать, спешили они, падлы, даже заточку оставили, а может, специально не вынули, чтобы эффектнее было.

– Да нет, наверно, у них много такого инвентаря, раз они могут позволить себе оставить заточку-другую в шее жертвы. Ладно, давай машину осмотрим, пока руководства нет.

В нарушение всех имеющихся инструкций по проведению осмотра места происшествия Кивинов облазил всю машину и, ухитрившись не испачкаться в крови, нашел то, что искал. То есть ничего. Клубникин тем временем отгонял от машины любопытных, взявшихся как из-под земли.

– Позвольте мне оказать водителю первую помощь! – не унимался какой-то старичок интеллигентного вида.

– Вы кто? – спросил Клубникин.

– Терапевт.

– Ему прозектор нужен, а вы бы лучше оказали помощь гражданочке, у нее вот тут рвотные процессы начинаются, сейчас риголетто отпляшет. И вообще, товарищи, расходились бы вы лучше отсюда, ну умер человек, скорее всего сам, ничего особенного, каждый день бывает.

Пока Кивинов шарил по карманам таксиста, во двор с грохотом вкатил УАЗ с руководством, представленным Соловцом и вторым замом отделения Мухтаром Кулиевичем Астровым. Кивинов выскочил из машины и сделал невинное лицо.

– Руками не трогали? – спросил Соловец.

– Обижаешь, Георгич, – пожал плечами Кивинов.

Соловец нырнул в машину и проделал все то, что было до него проделано Кивиновым, с той лишь разницей, что весь заляпался в крови и чуть не уронил труп.

– Ничего интересного, – сказал он, после чего обратился к Астрову: – Мухтар Кулиевич, сгоняй в отдел, вызови группу и установи данные таксиста.

Как только Астров уехал, Соловец достал «Беломор», прикурил и, пустив в воздух струю дыма, произнес:

– Зараза, в начале года – глухарь. Теперь не слезут ведь.

– Да, – с пониманием поддержал его Кивинов. – Придется ОПД заводить.

Клубникин тем временем пытался выудить что-нибудь из старушки, вызвавшей милицию. Сдвинув на затылок фуражку и шаря по своим карманам в поисках спичек (Клубникин, вообще-то, не курил, но в особо торжественных случаях баловался), он с трудом пытался разобрать шамканье, доносившееся изо рта бабки.

– Вышла я, значить, во двор с Дунькой Кулачковой поболтать-встретиться, а тут машина тарыхтит, а дверь открыта. Шофер, думала, значить, уснул. Пошла будить, а тут убийство.

– А у машины никого не заметила, мамуля?

– Вот чего не видела, того не видела. А вы пройдите по дому, может, кто другой чо видел?

"Не учи ученого", – подумал Клубникин, а вслух сказал:

– Спасибо, мамаша, за совет, так и сделаем, и вообще, вы нам здорово помогли.

Спустя полчаса во двор под рев сирены влетели «Жигули» райуправления, доставившие к месту происшествия начальника угрозыска района Василия Григорьевича Петренко и его зама – руководство прибывало согласно иерархической лестнице. На Петренко зачем-то был надет бронежилет, а из-под правого плеча лихо торчал короткий ствол автомата. Мгновенно оценив обстановку, Петренко произнес поздравительную речь, ключевой фразой которой была: "Все на обход!" Также в данной речи упоминались недостатки в раскрытии преступлений по горячим следам, низкий процент раскрываемости тяжких преступлений и прочая чушь. Затем, подойдя к машине, он зачем-то снял с себя ботинки и, пробормотав никому не понятное слово «микрочастицы», полез внутрь. Несомненно, по своей грандиозности это был великий осмотр, после которого многострадальный водитель оказался на земле, а Петренко так перепачкался в крови, что сам стал похож на покойника. Тем не менее, на непроницаемом лице шефа результаты его поисков никак не отразились, а произнесенное им «понятно» могло быть истолковано всеми присутствующими как угодно.

В течение последующих трех часов на место происшествия прибывали все новые и новые руководители, следователи прокуратуры, опера Главка и, наконец, кинолог, медик и эксперт, на чью долю выпала почетная обязанность отыскать в машине что-нибудь осязаемое и не принадлежащее водителю.

Покойного к тому времени уже перенесли на скамейку, чтоб не мешал руководству лазать по такси. Естественно, после посещения столькими людьми выставки "Достопримечательности автомобиля ГАЗ-24" обнаружение каких-либо следов в салоне явилось бы восьмым чудом света, но эксперт был многоопытный, и, понимаясь вздохнув, он начал осмотр.

Опер Главка Борисов бегал по ближайшему подъезду и опрашивал жильцов дома. Зашедшему ему помочь Кивинову резал слух Гришин вопрос: "Талона нет?" Кивинов сначала решил, что речь идет о талоне-уведомлении о регистрации заявления, но потом понял, что, скорее всего, он имеет в виду талоны на бензин для главковской "Волги".

Закончив наконец все процессуальные и криминалистические премудрости, присутствующие дружно направились в 85-го отделение, где заперлись в кабинете Соловца и стали, вероятно, составлять план раскрытия убийства таксиста. Обсуждение сие сопровождалось истерическим смехом и мелодичным стеклянным звоном.

Глава 3

ИЗ ДОКУМЕНТОВ:

ОРИЕНТИРОВКА № 1015

В период с марта по апрель 1992 года в различных районах г. Санкт-Петербурга совершено шесть убийств водителей таксомоторов. С мест происшествия ничего похищено не было. Водители были убиты заточками кустарного производства. Учитывая особую тяжесть совершенных преступлений, предлагаю:

1. На розыск преступника ориентировать весь личный состав и подсобные силы.

2. Проверить на причастность лиц, задержанных в дни совершения преступлений за административные правонарушения и имеющих следы крови на одежде.

3. Проверить на причастность лиц, состоящих на учете в психоневрологических диспансерах, ранее судимых за подобные преступления.

О всех сигналах немедленно информировать 22 отдел ГУВД г. Санкт-Петербурга.

Начальник ГУВД г. Санкт-Петербурга генерал милиции Т. Т. Комаров.

Процент раскрываемости преступлений 85-м отделением милиции падал с быстротой бетонной балки, сброшенной с Эйфелевой башни. Остановить падение не могли ни героические потуги личного состава, ни липовые «хулиганки», ни даже приказы и выговоры руководства. Единственным средством на пути девятого вала преступности оставалось одно – отказник.

"Отказник" – пьянящее слово, которое любой опер из любого уголка страны понимал слету и без перевода, слово, которое было известно всем, начиная с начальника ГУВД и кончая самым молоденьким опером в отделении. "Отказное преступление – раскрытое преступление", – любил говаривать Соловец. И это было чистой правдой, поэтому любой оперативник, получив заявление от граждан, бросался на поиски противоречий, свидетелей или следов, которые хоть в чем-то могли опровергнуть слова заявителя. Порой раскрыть преступление было легче, чем доказать, что его не было вовсе. В результате на свет появлялся отказник – литературный опус, по сравнению с которым даже романы Агаты Кристи выглядели лишь жалким бумагомарательством. Ну а если за три дня в материале не появлялось ничего нового, опер с виноватым видом подходил к начальнику и, слыша: "Плохо работаем", со вздохом отдавал материал на возбуждение "глухаря".

Несколько как раз таких материалов и лежало перед Клубникиным, когда на следующий день он с усталым взглядом и небритым подбородком сидел в своем кабинете. Упомянутый взгляд скользнул по обвалившейся штукатурке, по железному ящику с красивым названием «сейф» и остановился на крышке стола, под стеклом которого находилась фотография обнаженной красоти. Женщина, сжав руками свой роскошный бюст, явно дразнила Клубникина. Хотелось спать, и ужасно болела голова.

Клубникин женат не был, хотя женщин любил, и, как следствие этого, постоянное недосыпание стало его естественным состоянием. Все сроки по материалам давно вышли, никаких противоречий найдено не было, на малозначительность тоже не тянуло, но после вчераш-

него обсуждения плана у Клубника элементарно не хватало сил на то, чтобы снять трубку и вызвать кого-нибудь. К тому же при убийствах начальство бросает всех на раскрытие, поэтому на другие преступления у него просто времени нет. В дверях, словно тень отца Гамлета, мелькнул длинный Кивинов, затем в кабинет заглянула борода Волкова, и закончил утренние визиты опер Таранкин, которого Клубник видел уже сквозь пелену дремы.

Обход жилмассива, проведенный накануне участковыми, почти ничего не дал. Кто-то видел молодых парней, выходящих со двора, кто-то вообще не открыл дверь, а кто-то обвинил во всем наркоманов и Ельцина, который распустил бандитизм. Единственной интересной деталью из всего потока информации были показания семилетней девочки, которая видела из окна убегающего дядьку высокого роста в зеленом пиджаке или куртке. Хотели сначала составить фоторобот, но очередь на него была до сентября, поэтому ограничились показом девчужке картотеки местных судимых и гопников, в которой, естественно, она никого не узнала.

Личность убитого пока тоже не давала ключа к раскрытию зловещего убийства. Смирнов Павел Иванович, 41 год, в разводе, но живет с женой, детей нет, квартира отдельная, в такси пятнадцать лет. Последний раз видели в семь утра в парке. Двадцать второй «убойный» отдел задержал на всякий случай на трое суток бывшую жену покойного на основании имевшегося в суде дела о разделе имущества, но в конце концов ее отпустят, так как не таким уж и ценным было это имущество, чтобы засадить из-за него заточку в горло мужа, пусть даже и бывшего. В общем, глухарь был капитальный.

Кивинову, на чьей территории случилась трагедия, не давала покоя мысль о безысходности, невозможности предпринять что-то реальное, кроме как заведения оперативно-поискового дела и написания никому не нужных справок. В фильмах и книгах все было просто и красиво, brave следователи прокуратуры раскручивали большие дела, а приехавший вчера следок спросил у него, кто распишется в бланке за покойного, которого он признал потерпевшим. После этого Кивинов долго смотрел в голубую даль и думал о великой силе человеческого разума.

Ни один начальник, ни один бывалый криминалист не мог предложить никакого рецепта, кроме стандартных типовых мероприятий, заканчивающихся статьей 195 УПК РСФСР – приостановление дела за неустановлением преступника. Кивинов не рассчитывал на случай – при совершении таких преступлений случайностей не бывает. На свои силы надежды тоже не было – пугал масштаб совершенного. Оставалось одно – вовремя подготовить все бумаги.

Кивинов писал бумаги еще и по другой причине. Он вовсе не был суеверен, но случай, произошедший с его коллегой, заставлял его более серьезно относиться к этой бумажной волоките.

В 85-м отделении работал некий инспектор Филатин. Он пришел на работу на год позже Кивинова и сразу принялся активно раскрывать преступления, сажать преступников, – словом, что называется, горел на службе. Не было ни одного раскрытого преступления, где бы Филатин не приложил свою энергию и силы. К сожалению, все это делалось в ущерб бумажной работе, на которую у Игоря уже не оставалось времени, вследствие чего начальство не всегда было довольным. После двух лет службы на территории, которую обслуживал Филатин, произошло убийство, Игорь с головой бросился в раскрытие, отработывал версии, сидел в засадах и, естественно, совсем забыл о заведении ОПД и написании всяких справок и рапортов о проделанной работе. В результате, в один прекрасный момент, когда его вызвали в Главк для проверки ОПД, он оказался в чрезвычайно затруднительном положении.

Всю ночь Игорь писал бумаги, и под утро дело достигло объема тома "Большой Советской Энциклопедии". Качество проделанной работы в Главке оценивалось взвешиванием дела на руке начальника, поэтому труд Филатина не должен был пропасть даром. Утром, сунув дело в папку, Игорь помчался на Литейный. На проспекте Стачек он неожиданно попал в перестрелку, устроенную операми соседнего отделения по случаю задержания рэкетиоров. Писто-

лета у Игоря не оказалось, поэтому, горя желанием помочь своим братьям по оружию, он двинулся на ближайшего бандита, держа наперевес лишь свою папку с документами. Тот резко выхватил из-под плаща обрез и в упор выстрелил в Игоря. Но Филатину повезло – пуля угодила в папку, а он сам, упав от удара на землю, отделался лишь легким ушибом затылка, бандита же скрутили подоспевшие опера. Рассматривая впоследствии дело, Филатин обнаружил пулю, застрявшую на последних страницах. Будь в папке парой справок меньше, Игорь закончил бы свой трудовой путь в расцвете лет.

Уяснив для себя всю необходимость написания бумаг, Игорь плюнул на свою работу и целыми днями, запершись в кабинете, писал отчеты. Убийство так и осталось нераскрытым. За два последующих года он вообще не раскрыл ни одного преступления, но руководство придраться к нему не могло, так как в нужный момент он всегда представлял пухлый отчет с ворохом справок. В конце концов Филатин и вовсе перестал объявляться в отделении, узнавая о преступлениях по телефону и тут же принимаясь писать отчеты. Так что встречались опера с Игорем только в дни зарплат.

Из раздумий Кивинова вырвал телефонный звонок.

– У аппарата, – снял трубку Кивинов. Звонил вчерашний эксперт.

– Здорово, каланча, – раздался в трубке веселый голос.

– Привет.

– Слушай-ка, старый, я тут совсем забыл, а куда вчера заточка делась и протокол осмотра?

– погоди, дай вспомнить. – Кивинов с трудом восстанавливал в памяти события минувшего дня. – А что, у следака нет?

– Следак вчера маму встречал с поезда, оставил все Борисову, а тот говорит, все у Соловца.

– Не вешай трубку. – Кивинов сбегал в кабинет шефа, осмотрел его и в полиэтиленовом пакете, вместе с пустой бутылкой и куском хлеба, нашел протокол и заточку.

– Нашел, все у меня.

– Перешли мне завтра заточку, на ней пальчики могли остаться. Ну все, бывай.

"Какие пальчики?" – подумал Кивинов и снова вспомнил голубую даль.

Заточка, тем не менее, вызвала у него интерес. Сделана из старого напильника с рукоятью из зеленой изоленды, расплавленной в духовке и обточенной под пальцы. "Редкий цвет", – заметил Кивинов и бросил заточку в стол.

Зевая, зашел Клубникин. Сморгнув в угол кабинета, он потянулся и предложил сходить на обед, но у Кивинова не было аппетита, и он покачал головой. После того как все опера во главе с Соловцом ушли в общественную столовую, Кивинов заглянул в дежурную часть, просмотрел сводки по городу и вернулся писать бумаги.

Немного погодя раздался стук в дверь. Кивинов, как правило, по тембру точно определял, кто к нему пожаловал. – Этот стук был настойчив, и в нем сквозило недовольство. Вывод: пришел потерпевший. Так оно и оказалось, когда на пороге возникла гражданка Чучурина, у которой два года назад в столовой украли вязаную шапку и которая примерно раз в месяц доставала Кивинова, причем всегда некстати. Кивинов приготовился слушать очередной концерт без заявки радиослушателя.

– Вы нашли шапку? – сверкнула очками Чучурина. Кивинов понял, сейчас будет скандал.

– Нет, – просто ответил он.

– Ну и что же теперь делать? – ядовито спросила Чучурина. – Вы, вообще, думаете искать или нет? Вам за что деньги платят? – Дальше шли комплименты в адрес советской милиции, воря и своей шапки, которая, судя по всему, была для Чучуриной семейной реликвией.

Кивинов, как уже говорилось, выслушивал это раз в месяц, но раньше ему удавалось как-то гасить эмоции Чучуриной. Он успокаивал ее, каждый раз обещая найти шапку. Но сегодня у него не было желания что-то доказывать ей, поэтому он открыл дверь, взял под руку женщину

и провел ее по всем кабинетам, которые, разумеется, были пусты (в столовой в тот день был антрекот).

– Вот видите – никого нет. Все ищут вашу шапку, – сказал он ошеломленной Чучуриной, после чего выставил ее за дверь уголовного розыска.

Глава 4

Мухтар Кулиевич Астров ехал домой в недавно купленном «Мерседесе», пребывая в отличном расположении духа. Вообще-то, у него всегда было хорошее настроение, может, от природы, а может, от социального положения. Для многих подчиненных он оставался загадкой. Когда он говорил о работе, было весьма трудно разобрать, шутит он или же говорит серьезно, так как от вопросов работы он был так же далеко, как и от своей исторической родины. Но при этом он всегда ухитрялся находиться в курсе всех дел. Поговаривали, что он берет взятки, но это было не более, чем слухи, основанные на двух его машинах, даче и шикарной квартире. Астрову на эти слухи было ровным счетом наплевать, он стоял хорошо, чему, кстати, способствовали распродажи дефицитных товаров, периодически устраиваемые им в отделении. Этими распродажами Мухтар Кулиевич убивал двух зайцев – получал хороший товар и удовлетворял руководство. Последнее время, правда, в отделении стали проявляться недобрые признаки отчуждения со стороны коллектива и начальства, но Астров уповал на хорошие связи в РУВД. Однако Мухтар Кулиевич был не прочь найти поддержку и в Главке, о чем и раздумывал сейчас. На всякий случай. А вдруг что?

Прошло две недели после описанных событий. Страсти вокруг убийства улеглись, и руководство из РУВД и Главка все реже посещало отделение. Жену Смирнова выпустили. Ответственный от 22-го отдела Борисов появлялся в отделении только для того, чтобы стрелкнуть талончик. Кивинов к тому времени уже разобрался, какой, но так как талонов не было, Гриша исчез совсем. Вновь началась рутинная работа с материалами, заявителями, отказными. Кивинову к тому же было поручено проверять связи убитого по найденной у него в кармане записной книжке, что он и делал, правда, с большой неохотой.

После утренней сходки у Соловца все разобрались по своим кабинетам. Кивинов заглянул в туалет, посмотрел в зеркало и скорчил гримасу. Нахмуренные брови, тяжелый взгляд и оплывшие щеки – все это напоминало ему о том, что за две недели он был изрядно измучен.

Хлебнув воды из-под крана, он вернулся в кабинет Клубникаина, где нынче располагался его стол. Его собственный кабинет находился на ремонте, начавшемся через два дня после убийства. Ранее, когда в здании еще не было отделения, а была общага, на месте кабинета Кивинова размещался туалет, просто позднее оттуда вынесли унитазы и принесли стол. Остальной интерьер ни капли не изменился. Для эстетики Кивинов выкрасил трубы под березы и повесил бумажных листочков. Сейчас же ремонт затягивался из-за труб-берез, которые протекали "березовым соком" ярко-рыжего цвета. Многие делегации водопроводчиков приходили на экскурсии, размахивали руками, спорили, но «сок» все капал и капал, вот поэтому-то Кивинову и приходилось ютиться в чужом кабинете.

Клубникин опять заперся и беседовал с очередной дамочкой, попросив Кивинова пойти погулять, и в результате, накинув куртку, Кивинов пошел в обход своей территории. Он прошел мимо ДК «Ленинец» и еще раз осмотрел место убийства. Машину, слава Богу, забрали, а то она еще неделю торчала во дворе с ярлыком "Вещдок – руками не трогать!", оставленным экспертом. Только после того как с нее пропали все четыре колеса и обе фары, таксопарк с претензиями соблаговолил забрать свое имущество.

После этого Кивинов направил стопы в одно прелюбопытное заведение, располагавшееся на его территории. Туда он уже две недели как не заглядывал. Речь шла о знаменитом в районе пивном зале, прозванном народом "Мутный глаз". О заведении сем следует рассказать особо.

"Мутный глаз" был расположен неподалеку от места убийства, на развилке трех проспектов, возвышаясь над ними как памятник бетонно-стеклянной архитектуры эпохи раннего застоя. Бар был построен лет тридцать назад, Кивинов еще ребенком ходил по-малому под его стены, но надо сказать, что за это время в облике "Мутного глаза" особых перемен не про-

изошло, как внутри, так и снаружи. Все та же железная решетка на входе, разбавленное пиво, рыбо-никотиновый запах и опухшие от спиртного рожи. Менялись времена, политика, люди, но бар жил своей жизнью. Он гордо стоял на распутье проспектов, заманивая в свое чрево все новые и новые поколения. Казалось, что, даже если произойдет атомная война или всемирный потоп и все живое погибнет, "Мутный глаз" будет вечен как символ бытия.

Под стать внешнему облику были и обитатели здешнего мирка. На входе смело можно было повесить лозунг "Преступники всех стран, объединяйтесь!". Под его крышу со всего района стекались уголовники, пьяницы, гопники и БОМЖи, чтобы отведать дешевого пивка да весело время провести. Брошенное в благодатную почву зерно преступности не могло не дать обильных всходов. Кражи, грабежи, разбои и прочие составы преступлений УК РСФСР случались здесь каждый божий день, несмотря на особый контроль над баром 85-го отделения. Потерпевшие, как правило, не обращались с заявлением в милицию либо из-за страха перед баровскими блатными, либо потому, что сами были из их круга и разбирались впоследствии при помощи кулака или ножа. Если же кто-то по неосторожности заходил в милицию или был обыкновенным приезжим, незнакомым с местными законами, то очередной пивбаровец отправлялся на скамью подсудимых с последующим отъездом на несколько лет в "курортную зону".

Среди постоянных клиентов была и своя элита, размещавшаяся за первым от входа столиком. Здесь стояла солидная публика, имевшая за плечами по несколько ходок* на зону, разрисованная татуировками и чтившая воровские законы. Попадались, правда, и просто пьяницы, но они были не в авторитете и бегали на подхвате у блатных за глоток пива.

Во главе этого пивного братства стоял «основной». Основные, как правило, надолго не задерживались, они садились и менялись где-то раз в полгода. Основной находился в курсе всех событий в баре, без его разрешения не происходил ни один гоп-стоп, и раз в неделю он сам должен был опустить какого-нибудь лоха для поддержания своего "статус кво". За пять лет, что Кивинов работал в отделении, сменилось примерно девять основных. Последний, сорокалетний папа Гена, получив восьмую судимость, сел два месяца назад за нанесение ножевых ранений. На смену ему пришел молодой Геннадий Газонский, по кличке Зубр, имевший в свои двадцать пять лет три судимости за тяжкие преступления, а также свирепый вид и крепкие кулаки. Лет пять назад, придя на службу, Кивинов хотел сам внедриться в "пивную элиту" и даже купил для этого длинноволосый парик. Но ничего не вышло – после пары посещений все моментально поняли, что он мент, так как даже в своем парике он выглядел среди блатных как апостол Петр на проповеди у мусульман. Хорошо, что хоть ребята с пониманием отнеслись к творческому порыву молодого опера, и когда тот так вжился в роль, что уже не двигал ногами, по причине изрядных количеств выпитого им пива, они водрузили его на свои плечи, донесли до отделения, положили на лавочку, туда же бросили его парик, проверили, на месте ли удостоверение, и вернулись в бар. Авторитет милиции в то время был еще высок, и никому не хотелось портить отношения с новым опером, в ведение которого передавался "Мутный глаз".

Торжественной встречи по поводу посещения Кивиновым пивбара организовано не было. Он зашел с черного хода, покручивая в руке телескопическую дубинку. У Кивинова была информация, что Зубр таскает с собой пугач, и он решил опровергнуть эту нелепицу. Первый стол с азартом резался в «коробок», но стоило только Кивинову появиться в зале, как все головы автоматически повернулись на девяносто градусов и по пивбару волной прокатился недовольный шепоток. Зубр вышел из-за стойки и подошел к Кивинову.

– Здорово, начальник, что-то давно не заглядывал. Ищешь, что ль, кого?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.